

**НЕКОТОРЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЭСТЕТИКИ Ф. ШЕЛЛИНГА И
В.С. СОЛОВЬЕВА (ФИЛИАЦИЯ ИДЕЙ)**

Петрык Янина Юрьевна

*канд. филос. наук, доцент Кубанского государственного университета, РФ,
г. Краснодар*

E-mail: p_yanina@mail.ru

**CERTAIN PROVISIONS OF AESTHETICS F. SCHELLING AND
V. SOLOVIEV (CONTINUITY OF IDEAS)**

Petryk Yanina

candidate of Philosophy, docent of "Kuban State University", Russia, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является анализ преемственности эстетических идей Ф. Шеллинга и В. Соловьева. Важными представляются два тезиса: воплощение абсолюта через красоту и соотношение философии и искусства в практике воплощения абсолюта. Прослеживается глубокая взаимосвязь эстетики Ф. Шеллинга и В. Соловьева.

ABSTRACT

The purpose of this article is to analyze the continuity of aesthetic ideas of F. Schelling, and V. Soloviev. Two ideas are important: the embodiment of the absolute through the beauty and the correlation of philosophy and art in the practice of realization of the absolute. The profound relationship is being traced between aesthetics of F. Schelling and of V. Soloviev.

Ключевые слова: красота; искусство; эстетический пантеизм.

Keywords: beauty; art; aesthetic pantheism.

Кризис — явление циклическое. Ввиду повторяемости данного феномена, философы выявили следующую закономерность: в сложный, мировоззренчески переломный период, возрастает интерес к этике и антропологии (П.С. Гуревич), знаниям, содержащим важные экзистенциальные ориентиры. Не менее значительным для кризисного сознания предстает интерес к эстетическому

феномену, по той же причине: эстетика, как и другие «центрированные» человеком науки, хранит важные смысложизненные ценности.

В кризисную эпоху человек снова апеллирует к важнейшим авторитетам прошлого с целью поиска новых смысловых нюансов всегда полисемантических философских текстов, желая включить в современное искусство, и в опыт собственного бытия, все богатство мировой культуры. Подобное обращение к прошлому становится необходимым, чтобы почерпнуть в многообразном наследии культуры пути выхода из мировоззренческого тупика. В этой связи, еще одно «прикосновение» к немецкой классической философии, в лице Ф. Шеллинга, может стать интересным.

О влиянии немецкой классики на становление эстетических идей русской философии написано немало (А.В. Гулыга, П.С. Попов, Н.А. Кормин, М.Ф. Овсянников), однако более четко обозначить доминантные положения, составляющие суть данной филиации, представляется, несомненно, делом важным. Отслеживая преемственность идей, не следует умалять самобытности мыслителя, тотально унифицируя положения его философии. Очень важно бережно и трепетно отнестись к миру ценностей философа. Необходимо понять «философию искусства» «изнутри мира» Ф. Шеллинга и эстетических приоритетов В.С. Соловьева.

Ф. Шеллинг создал произведение, которое наиболее полно отразило теоретические построения философа в области эстетического знания. И хотя «Философия искусства» не издавалась при жизни автора, в данном труде были обозначены те субстанциональные идеи, которые сыграют существенную роль в становлении эстетики русского символизма. Основоположником русского философского символизма стал В.С. Соловьев. Философ не создал, к сожалению, специального труда посвященного эстетике, однако в целом ряде теоретических работ и литературно-критических статей, мыслителю удалось наиболее полно и теоретически слаженно развить и обогатить эстетические интенции немецкой классики.

Существенную роль в эстетике названных мыслителей сыграли две основополагающие идеи: *постижение универсума через красоту и соотношение философии и искусства в деле постижения истинно-сущего*.

Опираясь на переписку Ф. Шеллинга с А. Шлегелем, П.С. Попов, излагая состав и генезис «Философии искусства», свидетельствует о том, что философ изначально не хотел создавать чистую «теорию искусства», которая не соответствовала бы его внутренней синтетической установке. Ф. Шеллинг стремился создать всеобъемлющую систему, в которой искусство играло бы отнюдь не последнюю роль, так как саму задачу искусства мыслитель видел «в ... изображении подлинно сущего» [3, с. 299].

Его философия — это «философия универсума», где «универсум, пребывая в абсолютном в качестве органического целого, также пребывает в нем как художественное целое...» [7, с. 12]. Таким образом, созданная Ф. Шеллингом философия искусства — это наука об универсуме, выраженная категориями искусства. Художественная целостность универсуму сообщается единством и полнотой идей, а так как «отдельных красот нет — прекрасно лишь целое» [7, с. 57], красота в данном универсуме выполняет «синтетическую функцию» [1, с. 452], «вселенная — это бог.....в вечной красоте» [7, с. 59]. Подобная концепция Ф. Шеллинга в самом своем основании являла собой эстетический пантеизм, согласно которому в полноте абсолютной идеи, в триаде истины, добра и красоты, красота способствует постижению универсума, и логические формы только ограничивают, а эстетические расширяют возможности его духовного постижения.

Русская философия изначально тяготела к эстетическому пантеизму, поэтому удивительно созвучным этому положению, оказывается утверждение В.С. Соловьева о том, что философия представляет собой «органическое развитие первоначального понятия об абсолютном» [6, с. 371], объективным положительным содержанием которой могла быть только цельная идея, истинно-сущее, безусловное, которое в своей целостности «не даетсяни внешней наблюдаемой реальностью, на которую полагается положительная

наука,ни чистым разумом, на котором основывается отвлеченная философия» [6, с. 192]. Область теоретической мысли с необходимостью сливается с областью художественного, эстетического, мистического воплощения смысла, которые успешнее и эффективнее, нежели понятийное мышление, справляются с задачей охватить «все в единстве», ввиду того, что открывающаяся логическим знанием «сумма определенностей не может исчерпать собой все бытие» [2, с. 101]. В.С. Соловьев, таким образом, выводит следующий постулат: не все области подчиняются логическому определению, но игнорировать их при попытке построения окончательного знания об истинно-сущем невозможно.

Ф. Шеллинг, исходя из кантовской триады истины, добра и красоты, связывает истину с необходимостью, добро со свободой, а красоту понимает как синтез свободы и необходимости. Следуя в своем трансцендентальном идеализме за И. Кантом и И. Фихте, мыслитель стремится обосновать единение теоретического разума с практическим, свободы с необходимостью, и в подобной синтетичности красота предстает как неразличимость последних, как выраженная в конечном бесконечность.

В.С. Соловьев в качестве образующих элементов абсолютной идеи, составляющих её положительное содержание, также называет три начала — истину, добро и красоту, которые представляют собой «совершенное единство», являясь ни какими-нибудь «отдельными сущностями, а только тремя формами и образами, в которых является для различных объектов одно и то же, а именно идея, в которой обитает вся полнота Божества» [4, с. 89]. Положительные начала являют собой абсолютную солидарность и гармонию существующего, достойное и идеальное бытие, элементы которого невозможно мыслить в отдельности друг от друга, так как связь истины добра и красоты онтологична. При этом, В.С. Соловьев особо отмечает, что красота именно в произведении искусства «очищается ото всех материальных случайностей... усиливается, выступает ярче...» [5, с. 73], а «совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном

воображении, а и в самом деле — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [5, с. 89].

Таким образом, развивая идею Ф. Шеллинга о *постижении универсума через красоту*, прежде всего, выраженную в искусстве, В.С. Соловьев вместе с тем свидетельствует о том, что «законная автономия» красоты (её особый статус у Ф. Шеллинга) не приводит к «эстетическому сепаратизму» [5, с. 91], так как «красота есть воплощение в чувственных формах того самого идеального содержания, которое до такого воплощения называется добром и истиною...» [4, с. 392]. Следовательно, становится возможной реализация основного тезиса обоих мыслителей, который можно наиболее точно выразить высказыванием В.С. Соловьева: «абсолютное осуществляет благо через истину в красоте». Красота, тем самым, является одним из важнейших элементов той цельной и полной идеи, к которой стремится приобщиться философия и путем раскрытия которой является искусство.

Второй существенной идеей, которая обращает на себя внимание в эстетике Ф. Шеллинга, является *соотношение философии и искусства в деле постижения истинно-сущего*.

Эстетический пантеизм Ф. Шеллинга, рассмотренный целым рядом авторитетных исследователей (А.В. Гулыга, В.Н. Колесников), выразился в особой познавательной роли искусства, как универсального метода, благодаря которому возможно, посредством художественных образов прикоснуться к «иным» мирам, так как искусство мыслится, как возможность человека подняться от чувственно созерцаемых явлений до умопостигаемого смысла. Искусство есть способ «зримого изображения Бога» (Ф. Шеллинг), восхождение к первообразу, и потому оно в состоянии ввести человека в высшую реальность. Ф. Шеллинг пишет: «...в деле воспроизведения бесконечного (искусство) стоит на равной высоте с философией: если последняя воспроизводит абсолютное данное в первообразе, то искусство — абсолютное, данное в отображении...» [7, с. 67], «если для философии абсолютное есть первообраз истины, то для искусства оно первообраз

красоты» [7, с. 68]. При этом Ф. Шеллинг настойчиво напоминает:.... «истина и красота суть лишь два различных способа созерцания единого абсолютного» [7, с. 68]. Философия есть «абсолютное созерцание (безусловно-единого) в отдельных формах без упразднения самого абсолютного (идеи), а искусство «созерцает первообраз красоты только в идеях как особенных формах....». Таким образом, Ф. Шеллинг наделяет философию особенным статусом, но и статус искусства также необычайно высок. «Искусство является составной частью и одновременно иллюстрацией истины» [1, с. 454]. Те эмпирические абстракции, на которых строилось искусство, оценивались не ниже теоретических абстракции. Просто процесс образования отвлеченного понятия управляется более сложными законами. Искусство не просто оформляет переживания, но оно изначально направлено «ни на чувственное, но на красоту, возвышающуюся над всякой чувственностью» [7, с. 225].

Развивая учение об искусстве, Ф. Шеллинг четко проговаривает различия целей стоящих перед искусством и философией. «Философа не должно занимать ничего из того, что обыденное сознание называет искусством: для него искусство, необходимое явление, непосредственно вытекающее из абсолюта» [7, с. 48]. Искусство обращено к «вечной красоте», тогда как философии следует лицезреть «первообразы истины». В то же время, в мыслительном процессе философ вправе обратиться к художественному материалу, так как посредством искусства философия «доходит до лицезрения ...первообразов всего прекрасного» [7, с. 62].

Шеллинг особо отмечает то, что «искусство может стать предметом знания в философии» [7, с. 51], так как «та истинность, которую философ должен в искусстве прозреть и представить, есть истина высшего порядка, составляющая полное единство с абсолютной красотой, истина идей» [7, с. 53], кроме того возможна философия искусства, как «чисто умозрительная наука об искусстве», интеллектуальное созерцание искусства». А «наукой» «философию искусства» Ф. Шеллинг именуется оттого, что призывает «отмежеваться от бездумной чувственности....» [7, с. 48].

Вместе с тем, он четко разграничивает и разводит в разные стороны данные феномены: «философия, несмотря на внутреннее тождество с искусством остается всегда и необходимо наукой, то есть идеальным, искусство же всегда и необходимо искусством, то есть реальным...» [7, с. 52]. Ф. Шеллинг утверждает: «...если общая философия дает нам радость созерцать строгий лик истины самой по себе и для себя, то в этой особенной сфере философии, охватывающей философию искусства, мы доходим до лицезрения вечной красоты...» [7, с. 62].

Таким образом, с гносеологической точки зрения, искусство, несмотря на признание его особой роли, мыслилось, скорее как паллиатив, в нем нивелировалось целостное видение, которое признавалось только за философией. Приемы, средства и результаты искусства вводилось в философский дискурс лишь как иллюстрация той или иной философской теории, а художественный материал воспринимался как сфера приложения готовых идей, где мыслитель выступал в роли просветителя и их распространителя. Философия, как и научное познание, претендовали на универсальность, тогда как искусство оказывалось средством художественного выражения определенного содержания. В.С. Соловьев разовьет данную идею, придаст искусству более существенный не только гносеологический, когнитивный, но и практически — созидательный статус.

В работе «Философские начала цельного знания» В.С. Соловьев также довольно обстоятельно разъясняет родство философии и искусства и подробно обосновывает их отличие. Изящное искусство, убежден мыслитель, к философии находится в наиболее близком отношении, так как именно искусство «по своему формальному принципу представляет аналогию с философией» [6, с. 197]. Кроме того, красота, являющаяся важным элементом художественного творчества, мыслится как неотчуждаемая от «отвлеченного философского элемента» [6, с. 405], значимой составляющей которого является постижение истины. В этой связи В.С. Соловьев отмечает, что «невозможно ...исключительное искусство ... совершенно независимое от теоретического

элемента» [6, с. 311]. Однако, полагает В.С. Соловьев смысл искусства состоит не в идеях, а в чувственном выражении идей, открывая тем самым «совершенно новую сферу действия» и воплощения истины. Таким образом, за изящным искусством мыслителем закрепляется право на способность восходить к цельной идее, лежащей в основании познания, и становится возможным содержательным моментом в «исполнении истины» [4, с. 247]. У философии и искусства единый объект воплощения и осуществления (истинно-сущее), тогда как отличие состоит только в том, что искусство имеет своим референтом конкретную идею, а философия стремится охватить всю совокупность идей в их целостности (Н.А. Кормин).

Искусство в данном случае, объявляется свободным творческим актом, в котором красота «не зависит от наших субъективных представлений» [4, с. 364]. Красота объективна, а задача художника открывать истинно-сущее в наглядной и ясной форме, выявляя объективность красоты, и не допуская простой иллюстративности или обыкновенной дескриптивности. Искусство, мыслилось В.С. Соловьевым не простым высвечиванием готовых идей, но особой мыслительной конструкцией, где опыт художественного творчества рассматривался как максимально значимый в осуществлении и воплощении истинно-сущего.

Следовательно, едины мыслители в том, что искусство в состоянии постигать универсум, являясь важнейшим проявлением красоты, и то, что не доступно дискурсивному разумению, находит воплощение в художественной форме искусства. Однако у Ф. Шеллинга искусство, несмотря на его высокой когнитивный статус, более пассивно, созерцательно, оно есть более познавательная, нежели деятельная область знания. И хотя Ф. Шеллинг стремился уничтожить грань между искусством и жизнью, признавая магический произвол творческой субъективности, искусство в его толковании не было призвано «преображать» и пересозидать саму жизнь. У В.С. Соловьева искусство более активно и самостоятельно, требует «пересоздания» самой жизни, так как изначально преобразует мир духовной силой красоты. Сама

истина, пророчествовал В.С. Соловьев, должна будет «переместиться в сферу эстетическую» [6, с. 812], предвещая, таким образом, всеобщую эстетизацию самой жизни.

Резюмируя выше сказанное, следует отметить, что современная культура, несомненно, не осталась безучастна к воззрениям обоих мыслителей, которые с удивительной пронизательностью предвещали дальнейшую «поэтизацию» не только философских доктрин, но и артизацию социально- политического бытия, возникновение концепций эстетики собственного существования, и даже эстетики повседневности, полагая, что красота как форма постижения и воплощения истинно-сущего перестанет быть чем-то сакральным и трансцендентным для человека будущего.

Список литературы:

1. Гилберт К., Кун Г. История эстетики. М.: Прогресс, 2000. — 316 с.
2. Кормин Н.А. Философская эстетика Вл. Соловьева. М.: ИФРАН, 2001. — 187 с.
3. Литературная теория немецкого романтизма. Под ред. Н.Я. Берковского. Л.: Издательство писателей, 1934. — 329 с.
4. Соловьев В.С. Сочинение в 2-х томах. М.: Мысль, — 1990, — 2 т. — 824 с.
5. Соловьев В.С. Философия искусства и литературная критика. М.: Искусство, 1991. — 701 с.
6. Соловьев В.С. Философское начало цельного знания. Мн.: Харвест, 1999. — 912 с.
7. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. — 487 с.